

Сай Юн

Зазеркалье

Юн С.

Ю49 Зазеркалье / Сай Юн. – М.: Литнет, 2026. – 134 с.

ISBN 978-5-521-99357-4

Они думали, что победили. Но тьма просто перешла на удалёнку. Максим вернулся в своё тело. Варя обрела дар ведуньи. Устинья исчезла в золотом свете ладони Макара. Казалось, можно выдохнуть, топить печь, печь пироги и жить обычной деревенской жизнью, изредка снимая порчу с соседских коров. Глюк, как обычно, жрёт сметану и философствует. Трифон ворчит. Шуршик шуршит. Идиллия.

Но у смерти, как выяснилось, есть функция «автосохранения». А у тех, кто побывал по ту сторону, – безлимитный тариф на связь.

Устинья не умерла. Она упала в пустоту – туда, где нет ни времени, ни света, ни нормального Wi-Fi. И в этой пустоте её нашёл старый знакомый. Тот самый Морок, которого они выгнали из больницы. Он подкачался, обновился и теперь хочет не просто мести, а полноценного корпоратива с погружением. Теперь враг приходит не через дверь. Он приходит во сне. Он питается страхом, и ему плевать на защитные круги, заговорённую соль и даже на сметану Глюка.

Чтобы выжить, Максиму и Варе придётся освоить новую профессию – сомнамбулических боевых магов. Шагнуть в Зазеркалье. Найти там Устинью, Морока и ответ на главный вопрос: можно ли уволиться по собственному желанию из мира, где ты теперь числишься в штате?

Вторая книга цикла «Колдун нового поколения». Ироническое фэнтези о том, как победить зло, если оно приходит во сне, а у тебя с утра по расписанию – приём бабок с порченными курами.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

Пролог

Она умирала уже сто лет.

Это была не та смерть, о которой пишут в книгах, – быстрая, милосердная, с закрытыми глазами и сложенными на груди руками. Это была смерть медленная, тягучая, бесконечная. Она высасывала её по капле, по крохе, по воспоминанию, оставляя только пустоту и боль.

Устинья падала.

Она падала уже очень давно. Возможно, годы. Возможно, века. Времени здесь не было. Только тьма – густая, вязкая, живая. Она обтекала её, проникала под кожу, забиралась в лёгкие, вытесняя воздух. Устинья пыталась дышать, но вместо воздуха в грудь вливалась пустота.

Она пыталась вспомнить, как здесь оказалась.

Свет. Золотой, слепящий, ненавистный свет. Ладонь Макара. И его голос – спокойный, почти ласковый: «Спи спокойно». А потом – падение. В никуда. В ничто.

Она думала, что это смерть. Настоящая, окончательная, без права на возвращение. Но смерть не бывает такой долгой. И такой осознанной.

Здесь она чувствовала всё. Каждую секунду своего падения. Каждую частицу тьмы, проникающую в неё. Каждый миг своего медленного, мучительного растворения. Она чувствовала, как исчезают воспоминания – сначала мелкие, неважные: запах пирогов в детстве, смех подруг, первая украденная ягода на чужом огороде. Потом – важные: лицо матери, голос отца, шёпот первого любимого. А потом – больные, те, что держали её в этом мире: лицо Макара, его руки, его голос, обещающий вечность. И день, когда он ушёл.

Она пыталась держаться за эти воспоминания, цеплялась за них, как утопающий за соломинку, но тьма вырывала их, один за другим, и они рассыпались в прах, оставляя после себя только боль.

И тогда она закричала.

Крик длился вечность. В этой пустоте не было эха, не было отклика, не было ничего, что могло бы его заглушить. Он просто висел в темноте, как застывшая музыка, как предсмертный вздох, как проклятие.

И на этот крик пришёл ответ.

«Ты слишком громкая», – сказала пустота.

Устинья замерла. Ей показалось, что она сошла с ума. Что разум, последнее, что у неё оставалось, наконец покинул её, и теперь она слышит голоса там, где их не может быть.

«Я слышу тебя уже давно. Может, сто лет. Может, больше. Здесь время течёт иначе, но я научился его считать. По крикам. Твой – самый звонкий».

– Кто здесь? – прошептала Устинья, и голос её прозвучал чужим, чужим, будто она забыла, как им пользоваться.

«Здесь никто. Здесь только я. И теперь ты».

– Где я?

«В месте, где нет ничего. Ни света, ни тьмы, ни жизни, ни смерти. Только ожидание. Я жду здесь уже очень долго. Считаю крики, считаю падения, считаю тех, кто падает мимо. Ты – первая, кто упал прямо ко мне. Это судьба. Или случайность. Здесь это одно и то же».

Устинья попыталась открыть глаза. Веки не слушались – они давно стали частью тьмы. Она попыталась пошевелиться – тело не отвечало. Она была только сознанием, запертым в пустоте, и этим сознанием она чувствовала чужое присутствие.

Оно было огромным. Бесконечным. Оно не имело формы, но занимало всё пространство вокруг. Оно было пустотой, которая говорила.

– Что ты? – спросила она.

«Я то, что остаётся, когда всё заканчивается. Я то, что ждёт в конце. Я – память о том, чего не было. Я – сон, который никогда не снился. Я – Морок».

Слово ударило по ней, как молния. Морок. Она знала это имя. Она сама привела его в больницу. Она кормила его страхом, растила, делала сильным. А потом пришли они – Макарова внучка, колдун по принуждению и этот рыжий кот, – и всё разрушили. Морок исчез. Или она думала, что исчез.

– Ты тот самый? – спросила она. – Из больницы?

«Я был тем самым. Теперь я другой. Ты падала долго, Устинья. И пока ты падала, я рос. Я питался твоей болью, твоим страхом, твоей ненавистью. Они такие вкусные. Такие... настоящие. Спасибо тебе».

Устинья попыталась отшатнуться, но некуда было. Пустота сжималась вокруг неё, обволакивала, проникала внутрь.

– Что ты делаешь? – в её голосе впервые прозвучал страх. Настоящий, животный, забытый.

«Я возвращаю долг. Ты дала мне силу, я дам тебе жизнь. Ты привела меня в этот мир, я выведу тебя из этой пустоты. Мы станем одним. Ты будешь моими глазами, моими руками, моим голосом в том мире. А я сделаю тебя... вечной».

– Нет, – прошептала Устинья. – Я не хочу. Я хочу умереть.

«Ты опоздала. Ты умерла, когда Макар поднял руку. А теперь... теперь ты будешь жить. Вечно. Вместе со мной».

Пустота взорвалась.

Она открыла глаза.

Над ней было небо. Чёрное, беззвёздное, безлунное. Но она видела. Видела каждую крупницу тьмы, каждую пылинку, каждое движение воздуха. Она чувствовала. Чувствовала холод земли под спиной, сырость мха, запах гнилой листвы. Она дышала. Жила.

Она села. Руки были её, но какие-то чужие – бледные, почти прозрачные, с длинными пальцами, которые светились в темноте. Она поднесла их к лицу и замерла. Сквозь кожу просвечивали кости.

– Что ты сделал со мной? – прошептала она.

«Я дал тебе новое тело. Из тьмы, из снов, из того, что осталось от тебя. Теперь ты не человек. Ты не ведьма. Ты – моё отражение. Мои глаза. Мои руки».

Устинья поднялась. Тело слушалось легко, слишком легко. Она сделала шаг, другой, третий. Под ногами хлюпало болото. Знакомое болото. То самое, где она договаривалась с кикиморой. Где её предали.

Она огляделась. Вокруг была ночь, тихая, безветренная. Где-то вдалеке ухнула сова, ей ответила другая. Жизнь шла своим чередом, не замечая её возвращения.

– Где они? – спросила она. В голосе не было ненависти. Только любопытство. И голод.

«Там, где ты их оставила. В деревне. В доме у Баяны. Спят. Видят сны. Я чувствую их. Они пахнут страхом. Твой Максим боится, что не справится. Твоя Варя боится, что её дар слишком слаб. Твой кот боится, что никогда не станет человеком. Такие вкусные сны. Такие... питательные».

– Не тронь их, – сказала Устинья, и сама удивилась своим словам. – Они мои.

В пустоте внутри неё зашевелилось что-то огромное. Морок смеялся.

«Они твои. Конечно, твои. Я только хочу попробовать. Немного. На зуб. А потом ты придёшь и заберёшь их. Всех. По одному. Медленно. Смакуя. Ты ведь умеешь ждать, Устинья?»

– Умею, – ответила она и улыбнулась.

В темноте болота её улыбка светилась, как лезвие ножа.

Она шла к деревне. Медленно, не спеша. У неё было время. Морок учил её ждать. Она шла и чувствовала, как меняется мир вокруг. Болото, которое всегда было её домом, теперь казалось чужим. Вода под ногами не хлюпала – она расступалась, пропуская её, и смыкалась сзади, не оставляя следов. Туман, вечный спутник этих мест, клубился вокруг, но не касался её. Он боялся.

Она остановилась на краю, там, где болото кончалось и начинался лес. Тот самый лес, где правила Баяна. Где у неё когда-то был дом. Где она была сильной, молодой, живой.

– Как давно это было, – прошептала она.

«Время – это иллюзия», – отозвался Морок.

– Знаю. Теперь знаю.

Она шагнула в лес.

Деревья расступались перед ней, но не так, как расступались перед Баяной – с почтением, с любовью. Они шарахались в стороны, будто от прокажённой, будто от чумы. Листья на ветках чернели, когда она проходила мимо, трава под ногами увядала, корни уползали в землю, прячась от её шагов.

– Они боятся, – сказала она. – Лес меня боится.

«Лес чувствует то, что внутри тебя. Он чувствует меня».

– А что внутри меня?

«Пустота. Голод. Смерть. И маленькая, крошечная искра того, что когда-то было человеком. Она почти погасла. Но пока горит. Я берегу её. Она делает тебя... интересной».

Устинья остановилась у большого дуба. Когда-то здесь была граница её владений. Дальше начиналась земля Баяны. Она подняла руку, провела пальцами по коре. Дерево вздрогнуло, из-под коры выступили капли смолы, похожие на слёзы.

– Я вернулась, – сказала она негромко, но так, чтобы слышали все. – Я вернулась, старуха. И я заберу всё. Твой лес, твою силу, твоих питомцев. А потом... потом я заберу их. Мальчика, который украл моё тело. Девочку, которая украла мою любовь. Кота, который украл мою победу.

Дуб закрипел, будто застонал.

«Ты говоришь с деревьями. Это первый признак безумия», – заметил Морок.

– Я всегда с ними говорила, – усмехнулась Устинья. – Просто теперь они меня слышат. И боятся.

Она пошла дальше, оставляя за собой чёрный след увядшей травы.

Деревня спала. Окна тёмные, трубы не дымят – ночь глубокая, люди в постелях. Устинья вышла на окраину, остановилась у крайнего дома. Того самого, где когда-то жил Макар. Сейчас в нём горел свет. Старая изба, старая защита, старый враг.

Она подошла ближе.

Защита ударила по ней, как стена. Невидимая, но осязаемая, она обожгла пальцы, отбросила назад. Устинья вскрикнула – не от боли, скорее от неожиданности.

«Сильно», – одобрительно сказал Морок. «Баяна постаралась. Год назад такой защиты не было. Она знала, что ты вернёшься».

– Значит, ждала, – Устинья подошла снова, осторожно коснулась границы. Защита гудела, переливалась золотом, не пускала. – Но я умею ждать. И у меня теперь есть время.

Она обошла дом по кругу, ища слабое место. Защита была везде. Под крышей, под землёй, даже в дымоходе. Старуха не поскупилась. Но Устинья чувствовала: есть лазейка. Маленькая, крошечная щёлочка. Не в дом, но рядом.

Она подошла к окну спальни. Там, за мутным стеклом, спали двое. Максим и Варя. Она видела их лица, освещённые лунным светом, слышала их дыхание, чувствовала их сны. Тёплые, спокойные, безмятежные. Они не ждали её. Они думали, что она мертва.

– Как мило, – прошептала Устинья. – Они даже не знают, что я здесь.

Она прижала ладонь к стеклу. Стекло покрылось инеем, пошло трещинами, но не разбилось. Внутри, на подоконнике, шевельнулся рыжий клубок. Глюк открыл один глаз. Разноцветный, жёлто-зелёный, он смотрел прямо на неё.

Кот не испугался. Он смотрел долго, внимательно, а потом медленно, очень медленно, прижал уши.

Он её узнал.

Устинья улыбнулась. Поднесла палец к губам.

– Тсс, – прошептала она. – Не буди их. Пусть спят. Нам ещё рано встречаться. У нас впереди целая вечность.

Кот оскалился, но промолчал. Только шерсть на загривке встала дыбом, и хвост распушился в три раза. Он смотрел, как ведьма отступает от окна, как растворяется в темноте, как тает, будто её и не было. И только иней на стекле складывался в узор, в буквы, в слова.

«Я здесь».

Глюк смотрел на эти буквы, пока они не растаяли, и долго не мог заснуть. А когда уснул, ему приснилось болото, чёрная вода и чьи-то глаза, смотрящие из глубины.

Устинья вернулась на болото. Села на пенёк, на котором когда-то сидела кикимора, и посмотрела на луну. Луна была почти полной.

– Скоро, – сказала она. – Скоро я к ним приду. Не через дверь. Не через окно. Я приду к ним во сне. И они увидят меня. И испугаются. И я буду кормиться их страхом, как когда-то кормилась тобой. А когда они ослабнут... я приду в их дом. И заберу всё, что мне причитается.

«Хороший план», – одобрил Морок. «Только не заиграйся. Я тоже хочу есть».

– На всех хватит, – пообещала Устинья. – На всех, кто был против меня. На всех, кто желал мне зла. На всех, кто счастлив без меня. Я их всех достану. По одному. Медленно. Смакуя. Как ты учил.

Она закрыла глаза и улыбнулась.

Внутри неё шевелилась пустота. Живая, голодная, бесконечная. Она ждала. Терпеливо. Вечность она уже ждала, подождёт и ещё немного.

А за окнами домов в Гнилых Пеньках спали люди. Они видели сны. Спокойные, тёплые, летние сны. Они не знали, что в эти сны скоро придёт кто-то чужой.

Тот, кого они победили. Но не убили.

Тот, кто научился ждать.

СНЫ И ТЕНИ

Варя проснулась от того, что кто-то смотрел на неё.

Это было не то чувство, когда просыпаешься от резкого звука или яркого света. Это было древнее, животное ощущение, доставшееся от тех времён, когда первые люди спали у костров и знали: если на тебя смотрят из темноты, значит, ты уже не один. И не всегда один – это безопасно.

Она открыла глаза.

В комнате было темно. Луна, которая ещё час назад заливала подоконник серебряным светом, теперь спряталась за тучи, и единственным источником света был слабый отсвет догорающих углей в печи. Красноватые блики плясали на потолке, превращая привычные очертания комнаты в причудливые, угрожающие тени.

Варя прислушалась. Рядом, на своей половине кровати, ровно дышал Максим. Он спал на животе, раскинув руки, как делал всегда, когда был по-настоящему усталым. Волосы разметались по подушке, лицо во сне было беззащитным, почти мальчишеским – совсем не похожим на того напряжённого, вечно думающего о чём-то своём мужчину, каким он был днём.

Всё было как обычно. Но ощущение чужого взгляда не проходило.

Варя медленно, стараясь не шуметь, повернула голову к окну.

Ничего. Только морозные узоры на стекле – причудливые, похожие на папоротники, на перья сказочных птиц, на застывшие крики. И за ними – чернота декабрьской ночи.

«Показалось», – подумала она, и уже почти успокоилась, почти поверила в это, когда заметила.

На стекле, прямо в центре, там, где узоры сходились в замысловатую розетку, медленно таял отпечаток. Пяти пальцев. Чьей-то ладони, прижатой к стеклу снаружи.

Варя села.